

ОТКРОВЕНИЕ | Интерес к творчеству поэта проявился у меня на студенческой скамье

Лидия Гальцева (1938 г. р.) – литературовед, кандидат филологических наук, автор книги о Б.А. Ручьеве «Высокое откровение» (Челябинск, 1973) и ряда статей о нем, составитель сборника «Встречи с другом. Книга о Борисе Ручьеве. Воспоминания, статьи, стихи».

Обязана преподавателям

Первой своей встречей, знакомством и длительной душевной привязанностью к Борису Александровичу Ручьеву я во многом обязана одному из своих вузовских преподавателей – В. П. Тимофееву. Однажды (это было в 1958 году) он принес на лекцию только что вышедшую в Челябинске небольшую книжечку в скромном сером переплете и тут же, не сходя с кафедры, взволнованно прочитал почти всю ее от корки до корки. Имя автора этой книги в ту пору никому из нас не было известно. Однако первые же стихи убеждали в том, что за плечами его немалый жизненный опыт и что в поэзии он вовсе не новичок.

Интерес к личности и творчеству Бориса Ручьева, проявившийся у меня еще на студенческой скамье, с годами не ослабевал. Вот почему, поступив в аспирантуру Московского пединститута имени В. И. Ленина, я без колебаний назвала тему своей кандидатской диссертации – «Творчество Бориса Ручьева». До сих пор с благодарностью вспоминаю преподавателей этого института С. И. Шешукова, И. Г. Клабуновского, П. Д. Краевского, Ф. Х. Власова, горячо поддержавших меня. Я почувствовала, что Бориса Ручьева хорошо знают, любят и ценят здесь, в среде столичных ученых.

Окрыленная поддержкой и следуя их совету, я тотчас написала первое письмо Борису Александровичу Ручьеву. Не без робости и неизбежных в таком деле сомнений сообщала ему о своем намерении, о том, что нуждаюсь в его совете и помощи, просила о встрече.

Ответ пришел месяца через два. Это была телеграмма, в которой Борис Александрович извещал меня о своем приезде в Челябинск и просил созвониться с отделением Союза писателей. Я так и сделала. Мне сообщили, что Ручьев приехал и ждет меня в гостинице «Ожный Урал». Через полчаса я остановилась перед его номером, пытаюсь внутренне собраться и сосредоточиться.

– Я вас сразу узнал. Ну, будем знакомы – Ручьев.

Не помню уже, как завязалась наша беседа... Ее начал и повел Ручьев. Доверительно и просто вводил он меня в круг своих тогдашних забот.

Отцовские корни

Его простота и скромность, манера держаться и разговаривать сразу же покорила меня. Вдруг, как бы спохватившись, Ручьев вытащил откуда-то дорожный чемоданчик, извлек из него небольшой сверток и протянул мне. На нем было написано красным карандашом: «Черновики «Любавы».

В ту нашу первую встречу Борис Ручьев рассказал мне, что увлечение поэзией пришло к нему в детстве и

Незабываемые встречи

началось оно со стихов Лермонтова. В 1920 году старший брат Всеволод подарил Борису, только что перенесшему тиф и едва не распростившемуся с жизнью, томик его стихов. Потом Ручьев запоем читал Пушкина, бредил Блоком; вместе с закадычным другом Мишей Заболотным (Люгариным) распевал, уходя в притобольские луга, стихи Есенина; Маяковский на всю жизнь оставался для него образцом высокой гражданственности. Но начиналось-то все с Лермонтова, и трепетную любовь к нему Борис Ручьев пронес через всю свою жизнь. Стихи Лермонтова, от руки переписанные мелким бисерным почерком в самодельные блокноты, он уносил с собою в забор; брал в дорогу, будучи сопроводителем грузов на дальних северных трассах; повторял про себя, согреваясь от лютых морозов в сторожке ночного обходчика. Одно из них – «Хочу с тобою, брат, побыть» – было особо любимым и чаще других всплывало в памяти.

И позднее, когда уже работал над поэмой «Любава», Ручьев не раз обращался к Лермонтову. В его дневнике я нашла такую запись: «Поэма – не подробности и деталей, и обобщенных чувств, а опыт жизни. Образец – «Мцыри».

... Немалую роль в формировании Ручьева как поэта имел и тот факт, что его отец, А. И. Кривошеков, учитель, фольклорист и этнограф, был в то же время и литератором. Об этом впервые рассказал мне сам поэт и попросил, когда я буду в Москве, составить библиографический список печатных работ своего отца. Я выполнила просьбу Бориса Александровича, а заодно с большим интересом прочитала рассказы А. И. Кривошекова о русско-японской войне, изданные в 1913–1914 годах в Уфе и Троицке отдельными брошюрами.

Путевку в литературу, как это принято говорить, дала Борису Ручьеву Магнитка. Здесь возмужал и окреп его талант, здесь обрел он «вторую родину» и нашел своего героя, судьба которого была сродни его собственной судьбе.

Борис Александрович посоветовал мне обратиться к журналам «Буксир» и «За Магнитострой литературы», издававшимся молодыми магнитогорскими писателями в 30-е годы, и просмотреть газеты тех лет.

Старые издания помогли мне представить время, когда входил в литературу Борис Ручьев, познакомили с его литературным окружением, с творчеством поэтов магнитогорской литбригады имени Горького, возглавляемой поэтом Василием Макаровым.

Скупая похвала

Мои первые статьи о нем, по всей вероятности, не могли удовлетворить Ручьева. Но зато, когда однажды Борис Александрович прочитал очередную мою работу и нашел ее удачной, тотчас позвонил мне домой и я услышала знакомые интонации приветия и благодарности.

Заслужить похвалу Ручьева было непросто. Но зато если уж какой-нибудь молодой поэт или критик удостоивался этой честью, то это всегда выглядело как награда. Слово Бориса Ручьева было весомо и авторитетно. Не раз в моем присутствии им высказывались примерно следующие оценки пишущим молодым людям:

МАРК ГРОССМАН, ЮРИЙ ЛЕВИН, БОРИС РУЧЬЕВ, ЧЕЛЯБИНСК, 1966 Г.

«Пишешь ты вроде и правильно, но вот души в твоих стихах, искренности нет, а без этого нет и поэзии»; или: «У тебя все гладко, но уж какие-то книжные это стихи – собственного голоса-то не слышно»; или: «А ты будешь хорошо писать, в тебе я уверен, но надо много еще работать...»

Я много раз бывала в Магнитогорске и почти всегда, особенно в последние годы, жила в семье Бориса Александровича. Помню, по вечерам мы собирались в небольшом его кабинете, сплошь заставленном книгами, и уютно примостившись на стареньком диванчике, подолгу беседовали, рассматривая старые семейные фотографии. Борис Александрович вспоминал эпизоды далекой своей юности, доставались с верхних полок стеллажей подшивки старых газет, появлялись одна за другой книги, зачитывались цитаты, уточнялись какие-то данные.

Ручьев вытаскивал из ящиков письменного стола папки с черновыми набросками, газетными вырезками и другими собранными им материалами к новым или давно задуманным, но так и не осуществленным замыслам. Вплоть до последних дней жизни он работал над поэмой «Канун», завершил главу начатой им еще на Севере поэмы «Полнос», собирал материал для поэмы «Господин Медведко».

В конце июня 1969 года по приглашению Бориса Александровича я приехала в Магнитогорск на празднование 40-летия города. На торжественном вечере в драматическом театре чествовали ветеранов Магнитки. Тогда же было оглашено решение исполкома городского Совета депутатов трудящихся о присвоении Б. А. Ручьеву звания «Почетный гражданин города Магнитогорска». Увенчанный алой лентой, счастливый и до слез растроганный, стоял он на сцене, а весь зал стоял долго приветствовал его.

На больничной койке

...Борис Александрович был тяжело болен. После перенесенного в 1969 году инсульта, когда он едва не распростился с жизнью, его, по видимому, уже не оставляли мысли о смерти.

Весной 1971 года Ручьев вновь оказался па больничной койке. На этот раз – в Челябинске. Однажды он попросил меня принести ему в больницу что-нибудь почитать. Я назвала десятка два только что по-

полнивших мою библиотеку книг, но одни из них (неведомо когда!) были уже прочитаны им, другие не привлекли внимания. Наконец выбор пал на «Очерк былого» – широко известную книгу воспоминаний С. Л. Толстого о своем великом отце, вышедшую в Туле третьим изданием. Ручьев, несомненно, читал ее, но теперь что-то побуждало его обратиться к ней вновь. В своей записной книжке поэт оставил следующие выписки из «Очерков былого»:

«Про смерть отец повторял изречение, вычитанное им из какого-то романа: «Умереть – значит присоединиться к большинству». «Он с умилением вспоминал слышанные им слова одного старого мужика: «Надо летом помирать, летом легче могилу копать».

«При разговоре с отцом: «Все мысли о смерти нужны только для жизни...».

Здоровье Бориса Александровича резко ухудшилось, но временами ему хотелось верить, что все еще поправимо.

– Сейчас в «Литературной газете» появляются статьи о том, что средняя продолжительность жизни в нашей стране 70 лет, – говорил он мне. – Вот выздоровлю и поработаю в полную силу еще лет десять. Знаете, сколько у меня планов!

В августе 1972 года я приехала к Ручьеву показать рукопись своей книги о нем. Мы не виделись больше года. Я боялась встретить прикованного к постели, измученного болезнью человека, но он по обыкновению сам открыл дверь и радушно принял меня. Во внешнем его облике и в образе жизни мало что изменилось.

Не было еще восьми часов утра. За завтраком Ручьев слушал «последние известия», а затем, как установилось в последнее время, совершал утреннюю прогулку. Пригласил пройтись и меня.

Мы вышли к набережной Урала. Город уже проснулся и жил обычной трудовой жизнью. Любуясь открывающейся отсюда панорамой металлургического комбината, Ручьев сказал:

– День и ночь трудится наш завод! И негасимо вечное его пламя! Кое-кто поговаривает сейчас, что отслужил, дескать, он свою службу, выполнил свою миссию... А ведь мы скоро приступим уже к реконструкции, позиции свои сдавать не собираемся...

Он стоял на берегу Урала, «старый житель и строитель заводской», и в

его словах было столько неподдельной гордости и столько хозяйской заботы о городе своем и заводе, что невольно подумалось тогда, как прав он, говоря, что «Магнитка давала и дает живительную силу» его стихам.

Последняя книга

Мне довелось еще раз встретиться с Борисом Александровичем в Магнитогорске в дни, когда отмечали его 60-летний юбилей. В Правобережном Дворце культуры металлургов, где проходил вечер, я сделала доклад о творческом пути поэта, а на другой день, в знак благодарности, он подарил мне свою последнюю книгу, сделав трогательную теплую надпись.

У себя дома во время всеобщего застолья приехавших чествовать его друзей Ручьев был приветлив и разговорчив, пел песни, шутил и смеялся со всеми. В разгар веселья предложил послушать свои любимые стихи:

*Братец, черной крутой скалою
был я раньше и думал сам –
чувства волей сожму стальною
и желанья падут к ногам.*

*Но на празднике как-то встретил
деву тонкую, как тростник,
и огонь – нестерпимо светел –
от нее в мою грудь проник.*

*На меня она посмотрела...
Как могла она так успеть,
словно цит расцелить мое тело
и пробить крепчайшую медь...*

Это было стихотворение Важа Пшавелы – «Любовь пшава». Читал его Ручьев чуть нараспев, негромко и проникновенно. И, как бы продолжив вложенную в него идею, впервые прочитал свое нигде не опубликованное стихотворение, посвященное любимой женщине. Мне запомнились завершающие его строки:

*Покинув мир всевышний
и пречистый,
изгнание отовсюду претерпи,
пойду искать*

*на почве каменистой –
живую и надежную – тебя.*

*Найду себе приют,
достойный рая,
служба тебе заместо вратаря...*

*Ты не прогонишь –
грешная, земная,
за прочный ключ
всю жизнь благодаря.*

В октябре 1973 года Ручьева не стало. Прощалась с ним вся трудовая Магнитка. Перед гробом поэта Магнитогорская хоровая капелла исполнила его любимую песню «Там вдали за рекой». Вряд ли знали провозжающие его в последний путь, что выполняли последнюю волю поэта. Незадолго до смерти Ручьев записал в своем дневнике:

«...Город мой живет всегда с русской песней, а не с камерными романсиками и модными гундосными подвываниями любителей Запада. И я сам с детских лет живу с русской песней. И хоронить меня прошу под русскую мелодию»

И теперь, когда нет в живых поэта, остались с нами его книги, его стихи, продолжают традиции той школы, из которой вышел он сам, достойные его ученики. А одна из новых, святящихся «стококонными корпусами», улиц Магнитогорска названа в честь него улицей Бориса Ручьева ☺